

Д. А. Власова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к. филол. н., доцент Т. А. Богумил

ИНТЕРТЕКСТ В РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА («КАЧЕЛИ», «В ОДНОЙ ЗНАКОМОЙ УЛИЦЕ»)

Аннотация

В статье на материале двух прозаических текстов И. А. Бунина рассматриваются интертекстуальные переключки с текстами предшествующей эпохи. Ключевой функцией интертекста является инициирование процесса воспоминаний и творчества. «Чужой» текст является необходимым условием для рождения новой истории, расширяет пространственно-временные характеристики текстов, придает прозе ритм поэзии.

Ключевые слова: И. А. Бунин, интертекст, «чужое» слово, хронотоп, художественный мир, культурный код.

Интертекстуальный подход к исследованию художественных произведений продолжает оставаться одним из самых востребованных методов литературоведения. Интертекст (реже «интекст») как литературный термин закрепился в науке относительно недавно: его ввела в научный обиход Юлия Кристева в 1967 году. Однако начало теории интертекста было положено раньше в работах М. М. Бахтина о «своем» и «чужом» слове, о проблеме диалогизма текста.

Каждый текст, исходя из современных позиций ученых, по своей природе является интертекстом. Находясь в определенной связи, тексты взаимопроникают друг в друга, взаимодействуют на уровне сюжета, жанра, семиотики, тематики и т.д. Интертекст – это не копирование одного текста другим, не полная идентичность двух и более конкретных текстов, а наличие общей смысловой системы, наличие общего кода. Основной функцией интекста в художественном произведении является приращение смысла. Здесь важно, во-первых, найти отголоски чужой речи в тексте, а во-вторых выявить закономерности взаимодействия анализируемого текста и его претекстов.

Несмотря на то, что «Темные аллеи» И. А. Бунина довольно подробно изучены, интертекстуальный подход к исследованию отдельных рассказов цикла продолжает быть актуальным. Цель работы – исследовать роль интертекста в рассказах «Качели» и «В одной знакомой улице».

В рассказе «В одной знакомой улице» повествование является своеобразным пересказом стихотворения Я. П. Полонского «Затворница», цитата из которого выведена в заглавие бунинского рассказа. Тема, композиция, образная структура текста Бунина наследуют соответствующие элементы произведения Полонского, допуская при этом некоторые фактические расхождения. С помощью «чужого» слова, с помощью этой отправной точки герой рассказа «В одной знакомой улице» вступает в диалог с самим собой, со

своим прошлым и со своей возлюбленной.

Помимо очевидных текстуальных переключек тексты Бунина и Полонского связывает наличие романтического раздвоения. Однако выражено такое раздвоение по-разному. У Бунина время разделено на сейчас и тогда, а пространство на здесь (Париж) и там (Москва), т.е. на мир реальный и виртуальный (память). Оба этих хронотопа неразрывно связаны с реальными объектами, наполнены реалистическими деталями и подробностями. Полонский же создает образы своего стихотворения согласно романтическим традициям: есть мир реальный и мир чаемый, нездешний, недостижимый. Водораздел проходит в решении темы раздвоения: романтизм у Полонского, реализм у Бунина.

Различие в текстах Полонского и Бунина обнаруживается и в символической составляющей текстов. Например, символика лестницы. У Полонского – «высокая темная лестница с завешенным окном». У Бунина – «крутая деревянная лестница, скучно освещенная керосиновой лампочкой». Расхождения налицо: тайное, романтическое представление лестницы у Полонского и бытовое, повседневное у Бунина. Символ лестницы в литературе многозначен, сложилось представление, что писатель/поэт никогда не вводит в повествование лестницу просто так. У одних лестница предстает как символ перехода в иной мир, у других – как образ жизни, образ судьбы, ведущей вверх/вниз и т.д. У Бунина в описании лестницы также заложен символический смысл: поднимаясь по лестнице, герой оказывается в высшей точке своей жизни и своей любви. Данный символ отражает концепцию любви Бунина как высшей точки, вспышки бытия.

Стихотворный текст Полонского влияет и на ритмику бунинского рассказа, превращая его, по сути, в стихотворение в прозе. «Бунин стремился, говоря словами Флобера, “придать прозе ритм стиха (оставляя прозу прозой)”» [4, с. 52]. Писатель включает в произведение фрагменты стихотворения не только для того, чтобы соотнести их со своей историей и придать особую романтику моменту, но и для того, чтобы текст получился более ритмизованным, мелодичным. Чередование разных форм поэтической речи соответствует смене чувств: отрывочность, фрагментарность в композиции является параллелью чувств, которые испытывает герой.

Рассказ «Качели» переполнен многочисленными отсылками к прецедентным текстам. Это и творчество А. С. Пушкина, и тексты Шекспира, и Библия, и толстовская традиция и т.д. Цитата и аллюзия являются ведущими формами интертекста в «Качелях». Примечательно то, что в данном рассказе прослеживаются не только интертекстуальные связи, но и интратекстуальные, то есть связи, которые создают единый метатекст творчества Бунина.

Так, из цитаты буквально создается облик бунинской героини в рассказах «Качели» и «В одной знакомой улице». Героиня появляется из другого пространства, то есть она существует в создаваемой действительности, однако ее описание впервые возникает именно в цитате из претекста.

И. А. Бунин говорил о том, что поэзия научила его краткости. «Качели» являются наиболее показательными в этом плане. В данном рассказе Бунин

«выходит к таким рубежам красноречивой краткости, когда слово, кажется, уже на пределе эстетической нагрузки» [4, с. 47]. Бунинские «Качели» демонстрируют интеграцию прозы и поэзии не только на уровне объема произведения, наличия образности, слияния автора и героя, но и в сфере интертекстуальных взаимодействий.

Не менее значимо влияние интертекстуальных связей на хронотоп, то есть на структуру пространственно-временных отношений в тексте. Художественное пространство бунинских рассказов по своей структуре многомерно и сложно. Многомерность пространства рождается за счет одновременного присутствия в произведениях нескольких пространственных плоскостей. В рассматриваемых рассказах Бунина даны различные виды пространства, такие как психологическое, географическое, точечное, социальное и др. Время же преимущественно представлено как оппозиция прошлого и настоящего. Интертекст расширяет и пространственные, и временные рамки текстов, создавая при этом своеобразную игру времен и событий.

Графический облик рассказа Бунина «В одной знакомой улице» является примером нарушения пространственно-временной архитектоники, так как прозаическое пространство и время неоднократно прерываются стихотворным текстом. Пространственными образами, вынесенными в сильные позиции текста, являются заглавие и начало рассказа (улица и парижский бульвар). Из этого следует, что ключевой пространственной оппозицией рассказа является оппозиция «Москва – Париж». Привлечение «чужого» текста в текст Бунина и выстраивает эту оппозицию: воспоминания о событиях в Москве, навеянные стихотворением, позволяют герою в своем сознании поменять пространство, расширить его границы и перенестись в другой мир, в мир иллюзий.

При интертекстуальных связях время в произведении предстает особым образом. «Время предстает в разорванных реалиях, происходит преломление времени» [5, с. 68]. Так, в рассказе Бунина «В одной знакомой улице» происходит совмещение двух временных планов: эпохи Бунина и эпохи Полонского. С одной стороны, перед нами предстает 19 век, в котором жил и творил Я. П. Полонский. 19 век – это время любовных исканий, романтических приключений и сердечных тайн. Этими составляющими пропитано все стихотворение Полонского. Эпоха Бунина – это 20 век: век огромных потрясений в жизни общества и масштабных исторических событий. Соответственно, временные пласты существенно различаются и в тексте Бунина.

Пространство рассказа «Качели» ограничено, сосредоточено вокруг героев и их действий. Для них пространство дома является местом встречи, своеобразной отправной точкой их отношениям. Пространство сада не уступает дому по значимости: это романтическое и идиллическое пространство, где героям хорошо вместе. Таким образом, выстраивается ведущая оппозиция пространства рассказа «дом – сад». В доме герои скрывают свои чувства, а в саду происходит любовная встреча. Путь из сада к дому – путь от любви к ее сокрытию. Желание «рассказать бабушке» о своих планах так и не будет реализовано. Дом – это необходимость социальных контактов, объяснений,

брачных отношений. Сад – чувство как таковое, без социальных ограничений и условностей этикета.

Время в «Качелях» имеет довольно сложную структуру. Важным моментом в анализе временной организации текста является то, что мы ничего не знаем о героях, не знаем предыстории их романтических отношений. Прошлое никак не маркировано. О будущем также не знаем, в тексте не дается никакого послесловия: о будущем можем только предполагать. Все действие происходит в одно мгновение. Следовательно, сюжет концентрируется вокруг настоящего времени. Примечательно и то, что история Данте и Беатриче в тексте Бунина может восприниматься как символ вечной любви, следовательно, время расширяется и на фоне вечности его границы вообще стираются.

Таким образом, в рассматриваемых рассказах И. А. Бунина интертекст задает основную тему произведений (запуск механизма памяти), расширяет пространственно-временные характеристики текстов, придает прозе ритм поэзии, совмещает в одном тексте несколько литературных направлений, противопоставляет две (и более) истории любви, вписывая исключительную историю бунинских героев в контекст мировой культуры.

Используемая литература

1. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1965. – 543 с.
2. Бунин, И.А. Темные аллеи; Окаянные дни / И. А. Бунин. – М.: АСТ, 2002. – 367 с.
3. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
4. Михайлов, О.Н. И. А. Бунин: Очерк творчества / О.Н. Михайлов. – М.: Наука, 1967. – 176 с.
5. Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

*Н. А. Исмаилова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к. филол. н., доцент Т. А. Богумил*

РАСТИТЕЛЬНЫЙ КОД В ПОЭЗИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА (ОБРАЗ ДУБА)

Аннотация

В статье на материале пяти лирических текстов Б. Л. Пастернака рассматривается образ дуба. В художественном мире Б. Л. Пастернака семантика дуба тяготеет к трем значениям. Во-первых, дуб является деревом памяти. С этим смыслом тесно связан мотив детства, семьи, потерянного рая, а также мотив музыки. В глобальном смысле память – историческое прошлое.